

НОВАЯ ГИПОТЕЗА О ДАТИРОВКЕ РЕЛЬЕФОВ ХАЛЧАЯНА

Как верно подчеркивала Г.А. Пугаченкова во всех своих публикациях, посвященных царскому павильону Халчаяна¹, персонажи, фигурирующие на рельефах из необожженной глины – конкретные исторические герои; образы эти (или, как минимум, наиболее важные из них) – не просто абстрактные этнические типы, но портреты конкретных личностей, которые, вероятно всего, были узнаваемы современниками. Для нас же подобное узнавание может быть лишь частичным и гипотетичным, потому что, с одной стороны, мы не имеем никакой информации о тех членах царской семьи Кушан, которые не взошли на престол², с другой стороны, и сами изображения лиц правителей известны плохо: портретам на монетах, за исключением тех, что принадлежат «Герая», не хватает реализма, а у всех царских каменных статуй, которые дошли до наших дней, головы не сохранились.

Между тем мы располагаем поразительным портретом, отчеканенным на бактрийских тетрадрамах «Герая», персонаж которого очень похож на изображения представителей царского клана юечжей, запечатленных в Халчаяне как в сценах битвы, так и в придворной жизни. Однако Г.А. Пугаченкова никогда не утверждала, что павильон Халчаяна – своеобразный «памятник Герая»³. Наибольшее сходство с монетными портретами присуще при этом не восседающему на троне правителю (мужчина в полном расцвете сил, с тиарой на голове), а молодому стоящему царевичу-триумфатору, который представлен на другом панно демонстрирующим доспехи поверженного катафрактария. Тем не менее, если бы Г.А. Пугаченкова и использовала термин «Герайды», предложенная ею ранняя дата для монет «Герая» (вторая половина I в. до н.э.) повлияла на датировку павильона и его рельефов в гораздо большей степени, чем собственно археологический материал, который не датируется с подобной точностью.

Не возвращаясь к вопросу об очевидной связи между рельефами Халчаяна и монетами «Герая», надо вместе с тем отметить, что последние нумизматические исследования (сравнение с индо-парфянскими монетными типами) приводят к некоторому «омоложению» датировки этих монет. Учитывая данные этих исследований в своих последних статьях, посвященных обсуждаемым вопросам⁴, Г.А. Пугаченкова предлагает теперь дату, близкую к рубежу нашей эры. Впоследствии более радикальная позиция была занята Дж. Криббом, который убедительно доказывает, что тип «царя-всадника» на реверсе тетрадрахм «Герая» мог быть только имитацией чекана Гондофара, царствовавшего с 20 г. по крайней мере до 46 г. н.э. Более сложной для доказательства является его идея, согласно которой «Герай» – не непосредственный местный предшественник Куджулы Кадфиза – подлинного основателя Кушанской империи, но сам Куджула Кадфиз⁵. Думается, что в любом случае разумно было бы, как он это и

¹ Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966; она же. Скульптура Халчаяна. М., 1971.

² За единственным исключением девапутры Садашкана, сына Куджулы Кадфиза, известного благодаря индийской надписи (Fussman G. // Documents épigraphiques kouchans (III) // BEFEO. 1982. 71. P. 1–46). Но, как допускает Ж. Фуссман, возможно, это всего лишь другое имя Вима Такту (*alias* Сотера Мегаса), сына и более позднего наследника Куджулы Кадфиза.

³ Между тем это выражение было употреблено Ж. Фуссманом: *Chronique des études kouchanes* (1975–1977) // JA. 1978. 266. P. 427.

⁴ Пугаченкова Г.А. К неутраченным дискуссиям: варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1986. С. 98–107; она же. Еще раз о халчаянской скульптуре // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987. С. 253–267.

⁵ *Cribb J. The «Heraus» Coins: Their Attribution to the Kushan king Kujula Kadphises*, P. 30–80 // *Essays in*

Рис. 1. «Парфянский царевич» Халчаяна
(нос отреставрирован)

Рис. 2. Вардан I (около 39–47 гг. н.э.),
тетрадрахма чекана Селевкии на Тигре

предлагает, считать началом царствования Куджулы время до 50 г. н.э., может быть даже 30-е годы, а окончание его продлить до 80-х. Столь долгое царствование могло бы соответствовать указаниям китайских хроник, согласно которым основатель Кушанской империи умер в весьма почтенном возрасте 80 лет. Таковы на сегодняшний день в общих чертах основные положения дискуссии⁶ вокруг «Герая» и его датировки, имеющей прямое отношение к датировке Халчаяна.

Здесь же я хотел бы остановиться на другом персонаже, который мог бы «подтвердить» (возможно, даже еще более точно) эту дату. Речь идет о «парфянском царевиче»⁷, который, судя по положению упавших фрагментов центрального панно дальней стены, находящейся напротив входа, был изображен стоящим с правой стороны от восседающего на троне правителя, причем оба персонажа выполнены в одном масштабе. Завитая борода заостренной формы и прическа в виде длинных прядей вьющихся волос, падающих углом и подстриженных по уровню шеи, уникальны для всего ансамбля портретов Халчаяна и, как справедливо подчеркивала Г.А. Пугаченкова, не оставляют никаких сомнений относительно его этнической принадлежности. Так же не подлежит никакому сомнению его царский статус: на лбу – диадема, на которую с каждой стороны падают волосы, а не просто стягивающая налобная повязка, используемая лучниками юечжей для поддержания волос (рис. 1).

Кто этот персонаж? Сравнивая его лицо с монетными портретами нескольких аршакидских царей I в. до н.э. и, в частности, с Фраатом IV (38–2 гг. до н.э.), Г.А. Пугаченкова пришла в 1971 г. к осторожному выводу: «Хронологически допустимо отождествление халчаянской скульптурной головы и с тем и с другим аршакидским государем. Но если даже это и не так, то безусловно, что перед нами образ какого-то парфянского принца, может быть, правителя области, соседней с приамударьинскими районами пребывания ранних кушан (например, индо-парфянских владений в Пенджабе). Во всяком случае его реальность не вызывает сомнений»⁸.

Индо-парфянская гипотеза представляется маловероятной, поскольку такая прическа не встречается на монетах этой династии. Но продолжающаяся дискуссия по поводу даты «Герая» побуждает нас к поискам возможных аналогий среди арша-

Honour of Robert Carson and Kenneth Jenkins / Ed. M. Price, A. Burnett and R. Bland. L., 1993. P. 107–134. Pl. XXIII–XXVII. Надпись «Герай» следовало бы читать как HIAOY или HIAIOY (согласно эмиссиям), что можно было бы считать вариантом титула *yabgu/yavgu*.

⁶ См. *Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great, part II: The Rabatk Inscription, Its Historical Implications and Numismatic Context // Silk Road Art and Archaeology. 1995–1996. 4. P. 97–127, 138–142.*

⁷ Пугаченкова. Скульптура Халчаяна. С. 60. Рис. 59.

⁸ Там же. С. 55.

кидских царей. Из правителей I в. н.э. Вардан I (около 39–47 гг.)⁹ и Вологез I (51–79 гг.) представляются наиболее вероятными кандидатами для возможной идентификации с персонажем Халчаяна, так как их сблизжают многочисленные детали: отсутствие тигры, борода, подстриженная в форме правительного треугольника (без дополнительного своеобразного завитка, «козлиной бородки», которая украшает подборонок других царей), прическа с крупными завитками, ниспадающими в четыре или пять рядов (рис. 2).

Как ни странно, ни разу не было отмечено, что среди всех, кто царствовал после Митридата I, Вардан I – единственный аршакидский правитель, которому античный источник приписывает прямые контакты с Бактрией. Согласно Тациту (Анн. XI. 8–10), к концу своего царствования Вардан был в одночасье свергнут с трона своим братом Готарзом II, опиравшимся на наемников даев и гирканцев. «Вардан, вынужденный отступить от Селевкии, переносит свой лагерь на поля Бактрии». Немного позже он, судя по всему, был призван парфянской знатью на трон. Победив на реке Эринд своего брата, который вновь поднял мятеж в Гиркании, «Вардан после ряда удачных сражений покорила народы, обитавшие между названной рекой и рекой Синд, которая отделяет даев от ареев. На этом закончились успехи парфян, ибо, несмотря на победы, они не желали вести войну вдалеке от родины. Итак, установив памятники и начертав на них надписи, возвещавшие о его могуществе и о том, что ни один Аршакид до него не облагал эти племена данью, Вардан возвращается в Парфию, овеванный громкой славой и по этой причине еще более необузданный и несносный для своих подданных. Против него был составлен заговор, и во время охоты его убили, увлеченного ею и ни о чем не подозревавшего. Он был еще совсем молод, но его чтили бы, как немногих из старых годами царей, если бы он столько же думал о снискании любви своих соотечественников, сколько о внушении страха врагам».

Какое значение имеет это упоминание Бактрии? Тацит употребляет этот термин отнюдь не по ошибке и не случайно для общего обозначения наиболее отдаленного Востока, в отличие от других античных авторов. Во всем своем труде он его использует только дважды: здесь и в речи, обращенной к Германику одним из египетских жрецов, который намеревался перевести перечень побед Рамсеса (Анн. II. 60). Весь отрывок о Вардане отличается точностью географических сведений, видимо, почерпнутых из надежного источника: Тацит указывает, что р. Синд «отделяет даев от ареев». А нам известно из средневековой топонимики, что Синд – это древнее название Теджена¹⁰, который течет по Гератской равнине (античной Арее).

⁹ Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. 2nd. ed. L., 1980. Typ. 64, 1–30.

¹⁰ См. Gutschmidt A. von. Geschichte Irans und seiner Nebenländer. Tübingen, 1888. S. 126. Not. 2; Markwart J. Wehrot und Arang. Leiden, 1938. P. 6–7. Географ Якут (Булдан. III. 167) указывает, что название «Синд» сохранилось в окрестностях Абиверда. Приводя свои соображения по поводу этого отрывка из «Анналов» Тацита, Э.В. Ртвеладзе (Parthia and Bactria // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity / Ed. A. Invernizzi. Firenze, 1995. P. 181–190) предлагает идентифицировать Синд с Мургабом, приводя в качестве доказательства тот факт, что топоним «Sindj» (арабская транскрипция) известен в районе Мерва; но арабский вариант «Sink» (у Мукадаси) и персидская форма «šing» (Худуд ол-Алам) доказывают, что эти топонимы не могут ни в каком случае выводиться из формы «Синд». Более того, отождествление р. Эринд с Харируд-Тедженом не обосновано с лингвистической точки зрения. Эринд Тацита явно идентичен Хариндасу Птолемея (VI. 2–3) и Хيرانду трактата по географии Худуд ол-Алама (6.50.32.1), это р. Гурган. О различных точках зрения по этой проблеме см. Monchi-Zadeh D. Topographisch-historische Studien zum Iranischen Nationalepos. Wiesbaden, 1975. S. 124–125, 198. Форма «Эриндес», которую можно обнаружить в сочинении Тацита, представляет собой своеобразную адаптацию иранского топонима «Харинд»: непривычный термин автор приблизил к более привычному для римского уха поэтическому названию реки По «Эриданус». А.С. Балаханцев в недавно появившейся статье (Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160) дает иную интерпретацию этого отрывка. Согласно изложенной теории, все события, упоминаемые Тацитом, разворачивались на границе Арахозии и Индии, что противоречит уже утвердившейся в науке идентификации рек Эриндеса и Гургана. К сожалению, эта точка зрения не была принята во внимание автором, так же как незамеченными остались и очевидные параллели между текстами Страбона и Тацита.

Подтверждение этой локализации можно найти в «Географии» Страбона XI.8.2., где говорится: «Из даев одни называются апарнами, другие – ксанфиями, третьи – писсурами. Апарны ближе всего к Гиркании и к пограничному с ней морю; остальные простираются даже до области, лежащей против Арей». Согласно последней версии перевода и комментариев XI книги Страбона, осуществленных Ф. Лассерром¹¹, использованный в тексте глагол *ἄντιπαρῆκω*, возможно, обозначает речную границу. Согласно Лассерру, это скорее всего р. Теджен. Над какими народами Вардан одержал эту столь знаменитую победу, отодвинув свои границы вплоть до Теджена? Логично сразу же предположить, что это были наиболее восточные ответвления даев-кочевников, т.е. страбоновские ксанфии и писсуры. Но ясно также, что стабилизация границы в 100 км от Мервского оазиса не могла произойти без единого конфликта, или, как минимум, компромисса с обитателями этого оазиса. Текст Тацита ясно указывает, что Вардан рассчитывал продвинуться далее по ту сторону Теджена, и лишь отсутствие энтузиазма в его войсках помешало этому. Эти восточные соперники могли бы быть идентифицированы как индо-парфяне, над которыми Гондофар завершил тогда свое славное царствование, но его монеты не встречаются в Маргиане, где индо-парфяне, кажется, захватили власть уже позже, при Санабаре¹². В середине первого века Маргиана была в руках тех, кого, за отсутствием лучшего, мы обозначаем как «местных правителей», и кто чеканил свою монету в подражание Аршакидам¹³. Подобную ситуацию можно наблюдать также в западной части Бактрии на примере царского некрополя Тилля-тепе, который датируется приблизительно той же эпохой¹⁴.

Поль Бернар очень убедительно доказал, что это были «саки» (или, если быть абсолютно точными, «сакараваки») – кочевники, которые доминировали над территорией в 500 км, простиравшейся между древней Аршакидской империей и формировавшейся империей Кушан¹⁵. Он же был первым, кто показал, что по меньшей мере одно панно Халчаяна, где представлены вместе лучники-юечжи и «европеоидные» катафрактари, изображает сцену битвы, когда юечжи обращают в бегство катафрактариев, которые и определяются им как саки¹⁶.

¹¹ *Strabon. Géographie. T. VIII (Livre XI) / Texte établi et traduit par F. Lasserre. P., 1975. P. 84. Not. 1.*

¹² *Массон М.Е. Восточно-парфянский правитель Санабар // Нумизматический сборник. Тр. Гос. Исторического музея. 26. М., 1957. С. 24 сл.*

¹³ *Пилипко В.Н. Парфянские бронзовые монеты со знаком «П» под ликом // ВДИ. 1980. № 4. С. 105–124; он же. Маргиана // Древнейшее государство Кавказа и Средней Азии. М., 1985. С. 242. Изучение монетных штампов показывает, что более или менее прямая власть Аршакидов над Маргианой установилась, вероятно, со времени Митридата I (или же только при Артабане I) и продолжалась лишь до Фраатака, т.е. до рубежа нашей эры.*

¹⁴ *Koshelenko G.A., Sarianidi V.I. Les monnaies de la nécropole de Tillja-tepe (Afganistan) // Studia Iranica. 1992. 21. P. 21–32. Pl. 1. Многочисленные имитации драхм Фраата IV, найденных в храме Тахти-Сангин (Zeymal E.V. Coins from the Excavations from Takht-i Sangin (1976–1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture / Ed. K. Tanabe, J. Cribb, H. Wang. Kamakura, 1997. P. 89–110), возможно, являются жертвенными приношениями, доставленные паломниками Западной Бактрии.*

¹⁵ *Bernard P. Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // CRAIBL. 1987. P. 758–768; idem. Rez.: Пугаченкова Г.А. Еще раз о халчаянской скульптуре // Abstracta Iranica. 1988. 11. № 222. См. также: Abdoulaev K. Nomadism in Central Asia: the Archaeological Evidence (2nd – 1 centuries B.C.) // The Land of the Gryphons. P. 151–161.*

¹⁶ Определение «монголоиды» по отношению к физическому типу юечжей (продолговатые и раскосые глаза, поднимающиеся к вискам брови, покатый лоб, уплощенный затылок благодаря искусственным деформациям череп) было, однако, оценено антропологом Т.К. Ходжаевым (в личной беседе) как мало что объясняющее. К аргументам П. Бернара относительно интерпретации сцены битвы, изложенным в двух упомянутых выше работах (присутствие одной лошади без всадника; брошенное оружие; копыто лошади, опирающееся на нагрудную часть бронированного доспеха катафрактария; явно отрубленная голова, подвешенная к сбруе лошади), можно добавить, что сцена, иллюстрирующая триумф молодого царевича с трофейным доспехом, очевидно, включает и одного умоляющего, стоящего на коленях (Пугаченкова. Скульптура Халчаяна. С. 60. Рис. 73). Г.А. Пугаченкова правильно сравнивает его с сасанидскими рельефами (там же, с. 63). По моему мнению, в батальной сцене изображен также один пленный (Пугаченкова. Еще раз о халчаянской скульптуре. Рис. 5).

Рис. 3. Карта примерной локализации событий 47 г. до н.э.

Таким образом, удивительный факт присутствия одного парфянского царя в сцене триумфа кушан может быть объяснен, хотя вполне вероятно, что предложенное объяснение, несмотря на всю свою убедительность, скорее напоминает литературную фантазию. Этим царем мог бы быть Вардан I. Если, как я полагаю, упоминание Бактрии у Тацита не случайно, Вардан I мог в период ок. 47 г. найти убежище у Куджулы Кадфиза (рис. 3). Последний был возможно, тем самым правителем, который изображен в Халчаяне восседающим на троне и голову которого украшала тиара. Если, как это предполагает Г.А. Пугаченкова, парфянский царь представлен рядом с одной из своих супруг, то последняя, возможно, могла быть кушанской принцессой. полученной гостем в жены (подобный брачный союз был почти обязательным следствием царского гостеприимства). Спустя немного времени после отвоевания трона Аршакидов Вардан, видимо, одержал победу над своими восточными соседями, а Куджула Кадфиз тогда же победил своих соседей на Западе. Это были события сходного значения; одновременность операций обеспечила их успех и оправдала изображение Вардана в триумфальной сцене на почетном месте. Расстановка сил, в сущности, соответствовала принципу индийского трактата «Артхашастра»: «Мой сосед – мой враг; сосед моего соседа – мой друг»*.

A NEW HYPOTHESIS ON THE DATE OF THE KHALCHAIA N RELIEFS

Frantz Grenet

The clay reliefs discovered in the royal pavilion at Khalchaian (Northern Bactria, Uzbekistan) include, within the group of the Yuch-chi royal family (the «Heraeus clan»), a diademed ruler whom G.A. Pugachenkova has convincingly identified as an Arsacid king. The 1st c. date now agreed upon by numismatists for the «Heraeus» coins, and a fresh examination of kings' headdresses on Parthian coins, make it possible to assign the Khalchaian portrait to Vardanes I or Vologases I. It is argued here that Vardanes I (c. 39–47) is the most likely candidate, taking the events related by Tacitus, *Annales* xi. 8–10, as the basis: Vardanes, temporarily expelled from the throne by his brother Gotarzes, took refuge «in the plains of the Bactrians», then, after having resumed power, led a resounding campaign against the Dahae

* Перевод с французского С.М. Горшениной.

as far as the Sindes river (i.e. the Tejen). As demonstrated by P. Bernard, the Khalchaian reliefs celebrate the conquest of Western Bactria by the Yueh-chi against the Sakas. If the Yueh-chi had coordinated their campaign with the Parthians, the inclusion of Vardanes among the royal portraits at Khalchaian could find a likely explanation.

© 2000 г.

М.А. Дандамаев

АРАВИТЯНЕ В МЕСОПОТАМИИ НОВОВАВИЛОНСКОГО И АХЕМЕНИДСКОГО ВРЕМЕНИ

Как известно, при халдейских царях и позже при Ахеменидах (VII–IV вв. до н.э.) в Месопотамии проживало много чужеземцев. Среди них были военнопленные, увезенные в эту страну, царские воины, а также люди, по разным причинам добровольно прибывшие туда и жившие там постоянно или временно. Одно из таких этнических меньшинств составляли аравитяне. В отличие от арабов под этим этнонимом мы подразумеваем жителей Аравийского полуострова, которые говорили на различных семитских языках (см. ниже). Среди таких чужеземцев, разумеется, были и арабы.

Этническое название аравитян, в том числе и арабов, засвидетельствованное в новоассирийских и нововавилонских клинописных текстах, прослежено И. Эфа'лем и Р. Цадоком. В этих текстах оно пишется LU A-ga-bu, A-gi-bi, Ag-ba-a-a, а их страна названа KUR A-gi-bi или A-gu-bu¹. Как показал Эфа'ль, название «араб»/«аравитянин» первоначально обозначало бедуина, т.е. жителя пустыни². Хотя некоторые собственные имена аравитян являются типично арабскими, само название «аравитянин» не несет никакой лингвистической нагрузки³. Как отметил Цадок, пока еще невозможно установить, на каком языке или языках говорили люди, обозначавшиеся этнонимом «аравитяне», а также часто невозможно отличить их собственные имена от западносемитских (главным образом арамейских) имен⁴.

Начиная приблизительно с 755 г. до н.э. аравитяне начали проникать в Ниппур и другие вавилонские города и смешиваться там с вавилонянами⁵. При археологических раскопках в Уруке, Уре и некоторых других городах Вавилонии были найдены глиняные таблички, написанные протоаравийским письмом. Одна из них содержит список собственных имен, которые являются вавилонскими. Эти надписи, по всей вероятности, относятся к VII–IV вв. до н.э.⁶ Из «Вавилонской хроники» известно, что Навуходоносор II на 6-м году своего царствования (599 г. до н.э.) воевал против «людей» и «страны аравитян» (Aragbi) и захватил большую добычу из «имущества, скота и богов многочисленных аравитян»⁷. Набонид также воевал против «людей страны Аравия»⁸ и в течение нескольких лет пребывал в области Тейма в Северо-Западной Аравии. По

¹ Eph'al I. The Ancient Arabs. Nomads on the Borders of the Fertile Crescent. 9th – 5th Centuries B.C. Jerusalem, 1984. P. 6.

² Ibid. P. 7. Ср., однако, Retsö Y. The Earliest Arabs // OS. 1989–1990. 38–39. P. 132.

³ Ibid. P. 9.

⁴ Zadok R. Arabians in Mesopotamia during the Late-Assyrian, Chaldean, Achaemenian and Hellenistic Periods Chiefly According to the Cuneiform Sources // ZDMG. 1981. 131. P. 44, 83.

⁵ Cole S.W. Nippur in Late Assyrian Times c. 755–612 B.C. (State Archives of Assyria Studies IV). Helsinki, 1996. P. 34–42; Eph'al. The Ancient Arabs... P. 165; idem. «Arabs» in Babylonia in the 8th Century B.C. // JAOS. 94. P. 113; Frame G. Babylonia: 689–627 B.C. A Political History. Leiden, 1992. P. 50.

⁶ Biggs R.D. A Chaldean Inscription from Nippur // BASOR. 1965. 179. P. 36–38; Eph'al. «Arabs»... P. 109–110; см. там же и более раннюю литературу.

⁷ Grayson A.K. Assyrian and Babylonian Chronicles (Texts from Cuneiform Sources 5). Locust Valley – New York, 1975. P. 101.

⁸ Röellig W. Erwägungen zu neuen Stelen König Nabonids // ZA. 1964. 56. S. 221. Kol. 1, 45.